

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
& АВАНГАРД

Ежеквартальный журнал
художественной
литературы

Издается с 2018 года

№ 2 (21) 2024 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т65

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
& АВАНГАРД

Журнал «Традиции & Авангард» № 2 (21) 2024. — Москва:
Интернациональный Союз писателей, 2024. 348 стр.

ISBN 978-5-6052036-3-6

Перед вами новый номер журнала «Традиции и авангард». Приятно видеть, что из номера в номер эти два направления всё больше переплетаются друг с другом, сохраняя тем не менее индивидуальность каждого из них. В итоге рождается современная литература, объединяющая в себе сказку и реальность, лирику и дерзновенность, новые формы и неизменное содержание: любовь к другому человеку, к окружающему миру, к Родине, размышления о вечном и попытки остановить мгновенье.

Приятного чтения, и пусть каждый из вас найдёт произведение, которое отзовётся в душе.

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
.....
Делаем преимущества
очевидными

© Интернациональный Союз писателей, 2024
© Галина Березина, 2024
© Даниэль Орлов, 2024
© Арсений Ли, дизайн, 2024
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА 4

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Алексей Шепелёв. Пастушьи дни детства. <i>Очерк</i>	6
Марат Исенов. Река в ковыльных берегах... <i>Стихи</i>	33
Леонид Нетребо. Левый шмель. <i>Рассказ</i>	44
Максим Симбирев. В день смерти Елизаветы. <i>Рассказ</i>	66
Мария Леонтьева. Мы здесь живём не так же, как и вы... <i>Стихи</i>	71
Анатолий Ким. Философские стихи писателя. <i>Стихи</i>	76
Владимир Пшеничников. <i>Рассказы</i>	129
Александр Сигида. Хлеб и кровь. <i>Стихи</i>	147
Анастасия Романова. Отдельные стихотворения.....	156
Михаил Тарковский. Заказ. <i>Повесть</i>	164
Анфиса Третьякова. Спасибо, что живой. <i>Стихи</i>	257
Виктор Куллэ. Кукушка мне сказала «ку»... <i>Стихи</i>	263
Александр Богданов. Невыпитый глоток. <i>Стихи</i>	275

ДРАМАТУРГИЯ

Игорь Малышев. Власть. *Комическая фантазмагория*..... 284

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ОЧЕРК

Татьяна Филиппова. «Репка Баскервилей». Ю. Татаренко: поэтический салат к читательскому столу. <i>Рецензия</i>	334
Андрей Полонский. Герцен – первый русский иноагент. <i>Очерк</i>	339

ОТ РЕДАКТОРА

Уже сейчас искусственный интеллект способен писать стихи и прозу лучше семидесяти процентов современных авторов. В этих текстах есть то, на чём базируется литературное постижение Вселенной: парадоксальность в синтезе и анализе, страстность, иррациональность. Время литературы как области человеческой деятельности очевидно подходит к концу. Так же кончаются музыка, живопись, исполнительское искусство. Человеку вполне внятно дают понять, что ему в этом мире места нет. И если раньше Человек щеголял богоподобностью, то есть способностью к сотворчеству, ныне эта способность сведена к возможности завязывать шнурки. Этим никого не удивить и не сделать счастливым/несчастливым. Это конец времён. В принципе, священные книги содержат пророчества, так или иначе предрекающие нравственный апокалипсис. Это всех этих коней бледных и нервных не отменяет, но вполне запараллеливается.

Равнодушие к чужим страданиям возрастает в поколениях от неостребованности лучших нравственных качеств, из-за ненужности талантов и тщетности труда. Оно уже очень рядом. Война, которая идёт сейчас на юге России, — лишь эхо чего-то более страшного, более всеобъемлющего, надчеловеческого. Есть ли надежда? Сложно сказать. Как всегда, спасение — в любви и вере. Другой вопрос — как ту любовь снискать и в себе возродить и как позволить верить в то, чему нет имени. Есть ли надежда?

Парни в окопах такими глупостями голову не забивают. Они верят, они пытаются прожить очередной день и прожить

день завтрашний. Горизонт планирования в зоне боевых действий — две недели. Это самый максимум. Солдат видит свою жизнь на две недели; офицер — может быть, на три; штабные уже мыслят месяцами. Что им конец литературы? Что им конец культуры вообще, когда ноги должны быть сухие, а спина — прикрыта? Возможно, те из нас, мирных, кто надеется на них, уже вернувшихся с войны, уже отмывших руки от оружейной смазки и сажи, верят в то, что это здоровое, настоящее, это витальное в кубе сможет побороть демона комфорта, приходящего с цифрой и пытающегося заменить цивилизацию белковую цивилизацией кремниевой, просто успокаивают себя? Словно будет у тех, вернувшихся, какая-то особая сила, некое волшебное свойство. А вдруг не будет? Вдруг нам суждено стать батарейками и вообще повторить всю апокалиптику Голливуда в самых страшных и абсурдных её изводах?

Кстати, отличить стихи, написанные искусственным интеллектом, от стихов, написанных человеком, уже невозможно. Это так. Некоторые прозаики пытаются оседлать волну и начинают шлёпать романы, используя возможности цифрового разума. В моём понимании, это шулерство. Лучше вообще не играть, нежели выигрывать у коллег краплёными картами. Ради чего? Если конец, то конец. Ради денег? Есть много более прибыльных занятий, нежели умирающая литература. Кстати, займитесь чем-то полезным, товарищи современные авторы. Вы и раньше никому не были нужны, а теперь и по-прежнему. В принципе, Человек на этой земле скоро будет не нужен. Но писатели станут не нужны гораздо раньше.

Пока последние тексты, написанные вживую живыми авторами, собрались в очередной номер журнала «Традиции и авангард». Пока мы держимся. Уверен, в следующий номер роботы уже пришлют нам свои повести и поэмы, мы их опубликуем, и прочтут их такие же роботы. И будут счастливы. И будет мир во всём мире.

*Практически всегда ваш
Даниэль Орлов,
пока ещё главный редактор*

ПАСТУШЬИ ДНИ ДЕТСТВА

ОЧЕРК

Алексей ШЕПЕЛЁВ

Родился в 1978 году. Прозаик, поэт, журналист, автор нескольких книг стихов и крупной прозы. Кандидат филологических наук, исследователь Достоевского, член Союза писателей Москвы.

Лауреат многочисленных премий, в том числе: им. И. Анненского (2019), «Чистая книга» им. Ф. Абрамова (2019), «Я в мире боец» им. В. Белинского (2021), им. К. Леонтьева (2022).

Лонг-листер многих литературных премий.

Публиковался в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Новый мир», «Юность», альманахах «Черновик» (Нью-Джерси), Reflection (Чикаго), «НГ»-Ex Libris и др. Стихи переводились на немецкий и французский языки.

Самая трудная часть пути в родное село — пожалуй, что не тысяча вёрст в душном плацкарте и не от Мичуринска до Тамбова на нудном автобусе, а после на воронежском рейсовом до поворота; главное — его не проскочить, когда высаживают в чистом поле... Вот дальше начинаются знаменитые девять километров собственно до Сосновки: тут либо на своих чапать, по жаре или снегу, по грязище в колено, пока, может, если повезёт, не подвезёт кто-то, либо встречают тебя на тракторке́ прямо с грейдером или на грузовике тяжёлом — и путь будет длинен и извилист — как из-за самой дороги, так и из-за того, что ещё заехать нужно по полям / по делам что-то высмотреть... Битый час, а то и больше, не каждая психика после всей дороги выдержит. А главное — коли на такси задумал подкатить, как барин, то влачиться будет таксист чуть не дольше названного, проклинать ухабы и накатанные сбоку

виражи с пылью, как дым, непроглядной, а то и вовсе попадётся чужак из еллинов поколения «смартфон» и заявит, что «по навигатору дальше дороги нет», — да и по всем визуальным признакам для непривычного к таким пейзажам чужака её, почитай, и впрямь нет... Сначала, от поворота с трассы, некие джунгли — всего лишь разросшаяся от кленовых посадок буйная поросль, а меж ней неким тоннелем дорожка — как будто была когда-то выложена плиткой или мощёна булыжником, но ровно половина укладки в шахматном порядке выдрана... А дальше — хошь, так и тащись прямоезже по ухабинам и булдыганам, хошь, на зигзаги побочные сбивайся — там «Формула-1» и «Кэмел-трофи», не иначе!..

Добравшись до места, я уже, однако, как и много лет назад, разъезжаю по этому и всему прочему окрестному бездорожью на велосипеде... Старые, памятные места навели меня на мысль рассказать кое-что о совсем древнем — более чем тридцатилетнем теперь уже! — палеолитно-допотопном «экспириенсе». Как ни странно и едва ли не смешно это в наши времена звучит, о пастушестве. Не бог весть какая Америка для причастных, кто и сам всё испытал почище автора, для кого-то ностальгия... А для кого-то помоложе — если не *безумие* совсем, то хотя бы, наверное, мифы и сказки, как о юном пастухе Говинде Кришне — «защитнике земли», «ищущем коров».

Впрочем, надеюсь, что от пасторали наш рассказ весьма далёк.

1

Коров в нашем селе пасли по очереди, нанятого пастуха не было. «Коров стеречь» называлось. «Сёдня стеречь. Хто коров-то стерегёт?..» У кого сколько голов, столько дней и стеречь. Занятие особенное (о чём дальше), поэтому в каждом семействе обычно по две коровы: корова да тёлка — или вообще только кормилица старая, дойная, а молодняк или подросток быков в стадо не выгоняли. По нашему плáнту, или улице, выходило около сорока коров, которых гоняли в одну сторону, в одно наше стадо, то есть очередь стеречь — примерно раз в месяц. Пасли мы обычно два дня: отец — постоянно, и по одному дню на сменках — мы с младшим братом, иногда вместе. В деревенской школе первая отговорка о прогулах — не «болел», а «коров стерёг».

Отчётливо и ярко я помню эти залитые солнцем дни. Залитые до краёв горизонта и... через край... Вот теперь я прикатил в те же места на велике набрать душицы и шалфея — и всё столь же отчётливо в том же ярком солнце вижу и нынешнее, и прошедшее!.. Всё тот же пейзаж, места родные, и уж в чём-то совсем не тот, но солнце и запах трав — их не обманешь! Кругом всё ровное, без леса и холмов, раскалённый до трещин чернозём, поля и поля, дорога и лощинка, раскалённый стрекот всякой всячины... И ровно в центре, в небе над этой

Старые, памятные места навели меня на мысль рассказать кое-что о совсем древнем — более чем тридцатилетнем теперь уже! — палеолитно-допотопном «экспириенсе».

плоскостью, будто на геометрической модели какой-то или на картине Магритта, раскалённый шар солнца...

Впрочем, я помню и другие декорации, осенне-мрачные. Пасти мне доводилось лет с семи-восьми и лет до девятнадцати, наверное. Вот вспоминается, что курсе на первом-втором, приезжая на выходные, был вынужден их проводить с коровами в поле: октябрь-месяц, свинцово пасмурно, всё раскисло от сырости и дождя, или ноябрьские праздники — морозяк уже, утром изморозь... И травы-то почти нет, чёрная пахота полей, столь же прозаическая, колеи тракторные, грязь в колёнах, только какие-нибудь бодульжки подсолнечника или гурты свёклы — они-то бурёнок и привлекают... Зато это последние уже дни очереди (кому не повезёт, так сказать), они короткие — часов до четырёх и домой... И вспомнить всё это почему-то хочется!

Весной выгоняли скотину в конце апреля, с первой травкой: тоже ещё холодновато, за зиму все от стада отвыкли, да много молодых, которые на пастбище в первый раз. Тут нужен кнут — настоящий, двух с половиной метровый, чтобы, ловко замахнувшись им полукругом чуть ли не над головой, хлопнуть так хлопнуть, а не абы как. Иначе священные кормилицы — не сказочные и не индийские, а настоящие норовистые русские, тем более числом сорок голов, да с небезопасными вообще-то рогами и копытами, числом умножьте сами, не послушаются. Не кожаный, увы, уже кнут — какой-то ремень от шкива комбайна, разрезанный тонко, а на конце плетёный охвосток из обычной синтетической бечёвки. Но всё вместе это должно быть пригнано и отлажено так, чтоб хлопало и хлестало. Восьмёрка, хоть и без свиста, в воздухе — почти над головой замах, а щелчок уже на уровне щиколоток, на границе воздуха и земли. Часов в шесть, в росисто-туманном измерении утра, хлопки звучат как выстрелы, а животины по дворам не то что там «му» какое-то, меланхолично-обеденное, а трубят во всю глотку. *Протянуть по хребтине* зарвавшуюся тоже нужно умеючи. Действие это больше символическое, в дополнение и подкрепление к типичным выкрикам. Оно, конечно, понятно, что как в деревенском восприятии, особенно нынешнем, ремесло пастушеское — из самых низших, «на дурака», так для городского высокомерия — самое *неинтеллигентное*, так что любой половой спроть такого полевого пойдёт за академика.

Романтизации давно никакой, рожком коровок никто не созывает, буколические пастушки в тени на опушке не пляшут. Кнут — вещь штучная, да и не всегда исправная, поэтому иногда дают тебе хворостинку обычную или унизительно женское орудие — простую палку. Поборников прав животных можно было бы заставить повернуть прущую дуром в колхозную свёклу или в чужой «город» скотину добрым словом или вот всё же попробовать лупить её жечинкой (хворостиной), особенно когда тебе лет восемь-десять или, наоборот, под

Романтизации давно никакой, рожком коровок никто не созывает, буколические пастушки в тени на опушке не пляшут.

* Супротив. — Прим. ред.

семьдесят. Всегда в стаде есть одна-две коровы злонравные: глаза их почти всегда недвусмысленно косящие, рога острые и торчат вперёд — их стоит опасаться. Хоть и один, но есть и бык. Тут шутки не всегда проходят. Для дрянной коровы невзрослый человек с палкой — скорее, мишень. А так лаской, конечно, как говаривал профессор Преображенский, чем ещё. В основном бурёнки-пеструхи самой уже раздеревенской породы, с врождённой смирностью, и не бурые или пёстрые, а как будто веками выгоревшие на солнце, выродившиеся до чего-то светло-рыжеватого или мутно-бежевого. Разбавить завод нечем: в окрестных деревнях такие же, но зато привычны они хозяевам и сами привычны к маршруту. В сущности, им и пастух не нужен: сами, как по минутам, по своему природному и солнечному расписанию могут проделать весь путь «накатанный» — от дома вдоль русла речушки, по небольшим изгибам и лощинкам — до стойла, потом в лошину дальнюю и обратно.

Так и есть, лафа бы так пасти, если б не пара-тройка нюансов. Коровицы с глазами злобно косящими — это раз; а есть ещё их товарки с глазами, что называется, завидующими — так и рвутся от каждодневной травы надоевшей в колхозные зеленя, в подсолнухи или в кукурузу, в ту же сахарную свёклу. И, наконец, молодые взбалмошные тёлки, которые всех романтически баламутят.

Колхозные посевы, это уж как некое святое право позднеперестроечных времён, притравляли. Разве что бригадир поедет по окружной дороге, как бы дублирующей ежедневный маршрут коров вдоль долины речки, или даже сам «пред» выскочит из уазика и разорётся, когда не с той ноги встал. Но это редкость и вообще так, для проформы. А главное — что если заснёт пастух нечаянно или зачитается (ну это разве я), а всё стадо мало-помалу, а потом и стремительно потянется «за лидерами» в посевы, и некоторые рьяные животины, захватывая, минут за сорок такого марш-броска обожрут. Обожрут буквально, забьётся книжка* (ещё один привет читателям и литераторам!), раздувшийся коровий бок придётся, чтоб скотина, *сев на ноги*, в мучениях не сдохла, прокалывать чем-нибудь подручным типа вил или ножа. А в поле и такого-то нет, успеи ещё добежать. И ответственность на пастухе: «А дли чаво же тебе-то, ротозея, суды поставили?!»

В девяностые зарплату в колхозе вообще не платили, работали, по сути, за трудодни, как встарь, ну и собственные скотина и хозяйство были приоритетом. Приезжали начальствующие часто прямоком к нам, к отцу как первому спецу в округе по сельхозмашинам: привозят какие-нибудь железяки, выпрашивая совета. Иной раз вообще орут, ругаются, сетуют: «уборка», «хлеб убирать», «всё стоит!» — посадят его в свой уазик — и будь здоров, увозят часа на три, а то и на полдня, стереги один.

В девяностые зарплату в колхозе вообще не платили, работали, по сути, за трудодни, как встарь, ну и собственные скотина и хозяйство были приоритетом.

* Даже не диалектное, а общепринятое название части четырёхкамерного желудка коровы. — Прим. автора.

2

«Я буду долго гнать велосипед, в глухих лугах его остановлю...» Сейчас здесь луга и впрямь глухие: дорожка эта бригадирская, по которой в стойло доить в обед ездили, запаха на, заросла, еле приметна. С усилием я продрался по жаре по необычно здоровой траве. Самое непривычное — что кусты какие-то торчат кое-где в лощинке: за много лет без людей и животных выросли; а то ведь на все эти киловёрсты не было ни былинки!

Хотелось бы написать, как пишут авторы матёрой прозы, что бросился сразу в траву, обнял и т. д. Да что написать — и думал, и хотел, пока ехал, именно так броситься. Но тут не бросишься: травища вымахала выше колен, вся выгорела на солнце, колючки всякие — это почти как на гвозди кинуться.

Добрался и до самого своего любимого места. Кругом равнина да поля, подпахано близко к речке (а теперь гораздо ближе!), а тут такая балка, даже овраг небольшой у расширенья речки, а главное — какие-то валы, по виду явно рукотворные: видимо, остатки моста. Бока этого моста буквой «Т», сколько помню, в июне настоль всегда усеяны пучками-колониями душицы, что благоухает всё вокруг, и заготовлять её можно хоть в промышленных масштабах. Собирать душицу, или чабрец, научила меня бабушка. Ну, как научила — не ходила она уже сюда, не показывала, что вот, мол, она цветёт. Рассказывала просто, что в детстве они её собирали, заваривали всё лето вместо чая, а отличить — не ошибёшься. Тут же шалфей всегда шикарный, фиолетовыми гроздьями для пчёл и шмелей, полынь низкорослая, дикая мальва... Это никогда не собирали, разве что в школьном лагере заставляли младшеклассников мать-и-мачеху «загатавливать для аптек», а потом всё так и сгнило в сарае.

Трава стеной, сорняк и чертополох, трещит всё насекомыми как-то волнообразно — не подступиться, да и клещей опасаясь. Но дух душицы в дыхании воздуха есть — родной наш запах!

Рядом тоже вал такой, длиной метров двадцать. Кто вырыл ров, насыпал вал и мост и срыл потом часть моста — никогда я ни от бабушки, ни от отца не слышал. Да, может, и не спрашивал. Просто любовался. Тут тоже всегда душица, а главное — земляника. На валу удобно было сидеть, например читать. Ведь кругом, пока пасёшь коров, на все километра три-четыре пути только ровная поверхность — чтобы сесть или лечь. В сентябре-октябре тут обычно, чтоб не зазябнуть, пили чай из термоса...

Э-э-эх!.. Всё равно тянет если не броситься и залечь в траву, то на колени встать, где ровно и травы поменьше, или хотя бы сесть на эти валы... И никаких клещей-то раньше не было, их лишь на картинке в учебнике биологии видел! Но понимаю я, что вокруг, как ни крути, равнина, кругом всё просматривается на километры, как на ладони. И каждое моё

Трава стеной, сорняк и чертополох, трещит всё насекомыми как-то волнообразно — не подступиться, да и клещей опасаясь. Но дух душицы в дыхании воздуха есть — родной наш запах!
